

The background of the entire page is a dense, intricate pattern of swirling, flame-like or leaf-like shapes in various shades of red, from deep maroon to bright, almost white-red highlights. The pattern is highly detailed and fills the entire frame.

# Авторский метод

Анна Беляева

18+

# Анна Беляева

## Авторский метод

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=70401757](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70401757)*

*SelfPub; 2024*

### Аннотация

Тренер Ирина Лансере в один далеко не прекрасный день понимает, что стала главной героиней любовных романов. И это ей совсем не нравится, поскольку ничего общего с правдой, написанное на страницах бульварных книжонок, не имеет. Так к заботам главного тренера и опекуна несовершеннолетней спортсменки добавляется еще и головная боль с розысками автора клеветнических романов. Ирина совсем не в восторге от всего этого, но... куда деваться? Репутация под угрозой!

# Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	48
Глава 6	59
Глава 7	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

# Анна Беляева

## Авторский метод

### Глава 1

Коснуться пером бумаги – бесповоротный шаг.

Дж. Оруэлл

– Утро добрым не бывает! – констатировала Ира Лансере, глядя в зеркало.

Уснула она вчера очень поздно, скорее даже очень рано сегодня, а в ее возрасте (стукнуло Ирине Валентиновне тридцать семь месяцев назад), итак, в ее возрасте ночами уже надо спать, если хочешь на следующий день выглядеть и чувствовать себя человеком, а не тем, чем себя ощущала бедная женщина. С другой стороны, у ее главной “звезды” в предюниорах начисто разладился прыжок, так что наживешь себе бессонницу, размышляя, что случилось и как справляться.

Уже почти пятнадцать лет Ирина Лансере – тренер по фигурному катанию. Неплохой тренер, с некоторых пор даже считается весьма хорошим. Самой пока не верится, что удалось выбиться в элиты, но вот, того и гляди замаячат олимпийские перспективы. И если все будет хорошо, то к сорока годам станет она тренером, чем черт не шутит, олимпийской чемпионки.

Из зеркала на рассматривающую себя Ирину смотрела зеленоглазая брюнетка, бледная от недосыпа, скуластая и, на вкус Иры, длинноносая. Ей никогда не нравилось лицо, поправляла по мере появления средств и душевных сил, ну, и времени, конечно, тоже. Так от природы рыжие волосы стали черными, белесые брови были перманентно окрашены в тон волосам, уколы красоты сдерживали появление мимических морщинок. Вот нос... с носом что-то надо бы сделать. С губами тоже. И без того не особенно пухлые с возрастом стали еще больше истончаться. А Ира, как ни крути, человек медийный.

Хотя, если подумать, медийность у нее весьма спорная: на улице поклонники не останавливают. С другой стороны, интервью берут часто, даже приглашали один раз на Первый канал, когда они с Олеськой привезли медаль финала юниорского Гран-при. Зачем федерация решила послать именно Иру и ее спортсменку – поди знай, но раз послали, пришлось выполнять обязательство перед работодателем и идти в масс-медиа.

Они, скажем так, прилично там лопухнулись, потому что ничего не понимали и не знали, о чем стоит говорить, о чем – не очень. Наговорили на скандал. Тоже, конечно, камерный, зато внимания прибавилось солидно. Даже какие-то депутаты делали какие-то депутатские запросы, выясняя, соответствует ли Ирина и ее образ жизни всему, что им приходило в голову. В квартире дважды появлялись органы соцзащиты.

Все проверяли, кивали головами, уходили.

В дверь постучали и недовольный голос пробубнил:  
– Завтрак-то будет?!

Подростки! Что тут сделать? Приходилось терпеть бытовые терки. Сама же ввязалась. Была бы умной, жила бы сейчас одна и, может, даже обзавелась личной жизнью, а когда на шее дитя неполных пятнадцати лет, куда деться?

С другой стороны, личная жизнь не выглядит такой уж привлекательной, когда она у тебя уже была, уже не понравилась. У Иры была, в результате появился приличный невроз, первая седина и французская фамилия. Невроз вылечила почти, седину закрашивала, благо все одно природный цвет никогда не нравился. Фамилию оставила. Лансере – это красиво. Красивее, чем Карташова – однозначно.

Собственно, в браке-то она пробыла меньше года. Потом еще три года разводилась. В общем, все сложно. После решила, что больше замуж ни ногой! За иностранца – тем более.

Жак Лансере был вторым продюсером ледового шоу, куда устроилась восемнадцатилетняя русская фигуристка Ирина Карташова. Звезд с неба Ира не ловила: до тринадцати лет занималась одиночным катанием, потом тренер не увидел перспектив, отправил в пары. Ира, как раз взлетела в поддержку, так и поняла – ни за что! И все же прокаталась еще почти два года. А там, слава богу, выросла и ее переадресовали танцам. Год в танцах без партнера, еще год с тремя

разными. Теперь уже родители сказали, что надо хоть школу нормально закончить по-человечески. Получить аттестат, да и думать – что дальше.

Напряглась, закончила. Сильно так себе закончила, но какой спрос с человека, что до десятого класса посещал занятия исключительно ради сдачи аттестаций? После мама с папой спросили, куда хочет идти их дочь, продолжать, так сказать, образование. А никуда не хотела. Поступила в физкультурный. И на первом курсе узнала, что во Франции ищут бывших фигуристов в кордебалет ледового шоу.

Отправила видеозапись, получила приглашение на пробы. Сделала туристическую визу и уехала. Что угодно лучше хождения на лекции, а что угодно на льду – тем более. Жак помогал обустроиться. Поженились скоростно, когда Ире показалось, что беременна. Буквально два захода в префектуру. Уже через пару месяцев стало ясно, что брак девятнадцатилетней русской девушки и сорокалетнего француза – не фунт изюма. И совсем не то, чего хочет та самая девушка.

Все оставшееся время до развода Ира ждала на свободу, а Жак делал максимум, чтобы она передумала – от романтических поездок на острова, до шантажа и угроз. Наверное, так любил. Как мог, так и любил. Даже через пятнадцать лет после развода, поморщилась, вспоминая тот период. Ничего хуже, на взгляд Иры, в ее жизни и не было. Как минимум хуже и протяженнее, хоть противного и хватало. Это же фи-

гурное катание! тут, давайте честно, все противное, кроме главного!

Отошла от зеркала, поняв, что пора все же заняться рутинными этого дня. Проходя через зал, потрепала по распущенным волосам девушку-подростка:

– Олесък, сама бы давно засунула кашу в микроволновку и не ждала меня.

– Я не помню, как её готовить. И у тебя всегда вкуснее получается, – не отрываясь от телефона ответила русоволосая девушка с остренькими, как у мышонка чертами лица.

– Лентяйка! – вздохнула Ирина.

– ИраВаль, ну, ты правда готовишь лучше всех! – заняла подопечная.

– Не стони! – отмахнулась тренер. – Ездишь ты на мне, а я терплю, непонятно зачем!

– Потому что я твоя олимпийская чемпионка! – засмеялась девочка.

– Помолчи! – одернула спортсменку. – До олимпиады еще доехать надо!

“Чемпионка” промолчала, хотя по лицу было видно – не согласна. Но тут уж, сколько не протестуй, а загадывать, и правда, бессмысленно. Сколько у Иры было подающих надежды. Кто-то перешел к другим тренерам, у кого-то здоровья не хватило, кто-то начисто утратил мотивацию. Если бы до стартов доезжал всякий, кто может доехать по таланту, как бы легко жилось тренерам. Талантов много, талан-

тов на всех бы хватило. Мест, пожалуй, бы не хватило, а талантов... достаточно. Но из десяти талантливых юниоров до взрослых в форме доедут, хорошо если трое. А десять талантливых юниоров получаются из сотни талантливых предюниоров. А сотня талантливых предюниоров из нескольких тысяч талантливых малышей. Вот такая суровая математика. Прежде Ирина со своими талантами и до юниорских стартов едва дотягивала, а чаще не дотягивала. Смотрела по телевизору, как выводят их уже другие, если все же фигурист продолжал работать и стартовать. Вот только не с ней!

Впрочем, они надеялись, и Олеся, и Ирина. В конце концов, в виду обстоятельств им обоим надо было доехать. Да хотя бы для того, чтобы доказать всем, кто в них не верит, что смогут! И на этот талант, к счастью или к сожалению, не было особенно желающих из мастодонтов.

Олеська была даром и испытанием. Даром, потому что такие дети с неба не падают, а Ире упала. Испытанием, потому что, честно говоря, Карташова-Лансере в матери никогда не стремилась, а уж совмещать роль родителя и тренера – и подавно. Кто бы знал, что так потянется одно за другое, а в итоге девочка окажется проживающей на одной жилплощади с тренером да еще и под полной опекой последней. Зря тогда в телевизоре честно рассказали все. Сами потом поняли, да уж поздно было.

У Олеси была нормальная семья, то есть мама, папа, две бабушки, пара дядьев и теток с обеих родительских сторон.

Одна беда: никому из них не было дела до серьезной спортивной карьеры ребенка.

Родители давно разведены. Отец вахтует на рыболовецких судах в северных морях. Его дочь толком и не видит. Мать занимается чем-то по части спа-услуг, кажется, маникюрша, или массажистка. А может, и все сразу. В курортном городке в сезон от денег не отказываются. В несезон ждут, когда снова приедут туристы с бешеными глазами и полными кошельками. И, казалось бы, чем тебе этот городишко, живущий от сезона к сезону, хуже Петербурга, куда звала семью Олеси тренер, но нет, мать ехать наотрез отказалась. У мамы был новый муж, а ему переезжать не хотелось.

Дядя Саша, может, и мужчина неплохой, но Олеська ему чужая, с чего бы ради нее жизнь менять? В общем, никто не предполагал, что дочь станет кататься профессионально. Да и откуда бы этим предположениям взяться? Девочку привели на каток в семь лет. Это не просто поздно, а отвратительно поздно по нашим дням. Какие тут могут быть перспективы? Пусть просто катается для себя. Ребенку нравится, и хорошо.

Ира оказалась на катке, где тренировалась малышка случайно. Пришла к старой знакомой, еще по шоу. И та показала на девочку, резво заходящую во вращение:

– Нравится?

– Неплохо, – кивнула Ирина.

– Сколько она на льду, как думаешь? – поинтересовалась подруга.

– Года два?– прикинула питерский молодой тренер по совокупности навыков.

– Четыре с половиной месяца,– хмыкнула в ответ подруга.

– Не свисти!– отмахнулась Ира.

– Серьезно!– уверила приятельница.

Так свой короткий отпуск молодого тренера Ирина провела на льду глубокой фигурнокатательной провинции, убеждаясь, что у ребенка дар божий к фигурному катанию.

С этого начался их путь с Олеськой. Сначала нечастыми встречами, потом сборами, потом попыткой продавить родителей на переезд. А потом просто забрала ребенка к себе. У ребенка теперь была мечта – олимпиада. У Иры – тоже была такая мечта. Они стали единомышленниками. Сейчас уже и больше, чем единомышленниками. Олеся – семья Ирины (другой нет). Ирина – семья Олеси (другая ее интересами не обременяется). Ну и что? Главное, что есть друг у друга.

– Оторвись от телефона!– требует тренер у подопечной.

– погоди!– отмахивается ложкой девочка.– Тут интересно.

– Что?– заглядывает через стол в экран ребенка.– Твою мать! Леськ! Какого дьявола?!!

– Не заводись!– снова машет ложкой на опекуنشу фигуристка.– Она хорошо пишет. Мне нравится.

– Тебе нравится читать про нас всякие глупости?!– возмутилась тренер.

– Ну, это же не про нас. Просто фантазия,– пожимает пле-

чами девочка,— а написано хорошо, со знанием вопроса!

— Ну, конечно, особенно в тех местах, где меня обхаживает Константин Алексеевич! Или Владимир Андреевич,— кривится тренер.

— Ир Валь, попустись!— улыбается Олеся.— Не Константин Алексеевич, а Исмаил Джанибекович, и не Владимир Андреевич, а Эдуард Викторович. И не тебя, а Александру Дешане. Хорошие книги, правдоподобные.

— Ничего правдоподобного в них нет!— возмущается Ирина.— Это пасквиль чистой воды. Мне, как выходит новый опус, становится стыдно перед родителями, будто это я сплю со всеми подряд, а не бредовая фантазия авторши!

Беда в жизнь Иры пришла, на самом деле, откуда не ждали. Около двух лет назад второй тренер притащил потрепанную книжку в мягкой обложке с вызывающим названием “Плавление льда”, кинул на тренерский стол у бортика и сказал:

— Какая-то крыса про нас романы пишет!

Ира даже не поняла, о чем он, пока не пробежалась по диагонали по страницам книжонки. Сердце замерло. Имена, конечно, другие, но остальное... даже некоторые бытовые детали, о которых посторонние не знают, например, марка гигиенической помады. В общем, там было все, кроме правды. Ирина, естественно, не спала ни со своим вторым тренером, ни с директором, не смотрела с интересом на родителей своих спортсменов. Глупости да и только!

За два года вышло четыре книги. Автор строчил как из пулемета. Даже слепые стали догадываться, кто прототип. В одном из интервью ее спросили, как она относится к литературе подобного рода.

– Не интересуюсь,– отрезала Лансере.

– Даже теми, где прототипом служите сами?– полез глубже интервьюер.

– Тем более. Это противно! Люди меня не знают, а позволяют себе такое!– передернула плечами.

Книги ее не интересовали. Она хотела найти ту, скорее всего именно ту, а не того, что их клепала и посмотреть в глаза. Внимательно. Хотелось убедиться, что совесть там, и впрямь, не ночевала.

## Глава 2

Вообще, романчики, вылетающие из-под неизвестного пера, были не особенно плохи, но при этом ужасны. Когда она посмотрела, ладно, прочитала от корки до корки тот, что принес Костя, позвонила в редакцию и вежливо, то есть без мата, попросила о встрече с автором. В редакции ее желание не пробудило никакого интереса, в том смысле, что автор предпочитает хранить инкогнито, а коли уж вы опознали в героине себя, так и найдете его в ближнем круге без всяких проблем. Было пригрозила судом, ей пожелали доброго пути и успехов.

Прекрасно понимала, что угрозы исков на предмет репутационных потерь – это совершенно бессмысленная игра. Может, в Европе или Америке и можно было бы что-то получить, а у нас, кроме глупой и скандальной популярности – ничего! Но найти автора очень хотелось. Найти и сразу указать на двери.

Подозревала в первую очередь коллег. Может быть, кроме директора Володи, Владимира Андреевича, и второго тренера Кости, Константина Алексеевича. С одной стороны, эти двое были самыми пострадавшими, потому что тоже попали в основные персонажи, с другой – все-таки подобное пишут женщины, стало быть и искать стоит среди них.

Под размышления, совершенно бесплодные, если уж по

правде, позавтракала, собралась на работу, постоянно подгоняя Олеську, добралась, то и дело начиная повторять с подростком график ее дня, зашла в спорткомплекс, забрала ключ от своего кабинета, склонилась к журналу, чтобы расписаться и увидела ненавистную фамилию на обложке книги, которую читала вахтерша.

– Это еще что?!– проворчала недовольно Ирина.

– Ой, Ириночка Валентиновна!– заулыбалась чуть заискивающе женщина.– Так хорошо пишут про все. Это же про нас, про фигурное катание. И главная героиня, такая женщина. Чем-то даже на вас похожая! Не оторваться!

И вот что с этим можно сделать? Только тихо кипеть внутри. Олеська лишь фыркнула в кулак, слушая дифирамбы бульварному чтиву, которые распевала служительница вахты.

– Быстро переодеваться на хореографию,– шикнула на воспитанницу тренер, забрала ключ, и все, что смогла сказать вахтерше.– Ну, вы хоть не думаете, что там какая-то правда?

– Да что вы!– замахала та руками.– Константин же женатый человек! Как можно подумать?! Хотя, знаете, вот он бы вам очень подошел.

Чума на дом той, что клепает пасквили и зовет это литературой! И на дома тех, кто эту псевдолитературу печатают! Нет, на самом деле, очень хотелось, чтобы редакция вспыхнула как минимум синим пламенем, а автора поразил пара-

лич на рабочую руку. Две руки! Невозможно же!

Развернулась и двинулась в сторону кабинета. Впереди долгий день, много работы. Будет думать про все, не относящееся напрямую к спортсменам и тренировкам, после того как закончит. Если честно, то к вечеру обычно набиралось куда как более важных забот, чтобы подумать в ночи, так что не перепадет скорее всего очередной “шедевре” от бульварного чтыва внимания Иры до выходного.

– Привет!– вынырнул из коридора, куда собиралась войти Лансере крепкий блондин лет сорока, начавший набирать вес и терять волосы, о чем говорили глубокие залысины на лбу.– Видела, про нас написали новую хренотень?

– Видела,– вздохнула Ирина.– Ты-то откуда все это видишь раньше меня?

– Так у меня ж Аленка читает,– доложил Константин, второй тренер и технический специалист тренерской группы Лансере.

– Еще один повод расстаться,– хмыкнула женщина.– Как думаешь?

– Не дави на меня!– возмутился коллега.– Я и сам понимаю, что веду себя по-скотски, но не могу пока. Знаешь, как мне с ней хорошо!

– Так с женой тогда разводишься!– чуть повысила голос Ира.

– Дома тоже хорошо,– пожал плечами в ответ товарищ.– Мне вот так, как есть, лучше всего.

– Ну и дурак!– честно сообщила и без того известное со-

беседнику мнение о его запутанной личной жизни.

Костя был верный друг, многолетний. Ира у него на свадьбе гуляла десять лет назад. Ну, вот кто мог подумать, что кризис мужского среднего возраста так долбанет хорошего в целом человека по мозгам? Занять сторону изменника не хотела, а отказаться от человеческих отношений и товарищества не могла. Терпела дурь Константина, ждала, когда сама собой рассосется.

Пока ни дурь не рассасывалась, ни доброго ничего не приносила. С одной стороны, жена-то у Костика – не идиотка, стала некоторое время назад подозревать, что муж не только на работе отлынивает от воспитания двух мелких детей. С другой – сам Костя не становился при наличии такой бурной жизни лучшим вариантом сотрудника, хотя даже такого второго не найти.

С месяц назад и супруге Кости попались на глаза книжонки, в которых их двоих завязали в нечеловеческий роман полный страданий. Своего мужа и его коллегу-начальницу женщина узнала махом. Пошла разбираться. Было очень громко. Хорошо, что кабинет Лансере все же в стороне от катка, хоть родители не слышали, какими словами крыла супруга Константина его соратницу. С грехом пополам объяснились. Соня порыдала на плече Иры, пожаловалась на мужа, позаглядывала в глаза в надежде, что последняя развеет ее опасения. Ирина бы и развеяла, но как, если муж Сонечки действительно блудил? Некрасиво, в общем, выходило со

всех сторон, но Костика это не понимало. Ну, как минимум не сподвигло к решительным действиям.

– Тут это, вопрос, в общем,– сменил Константин тему.– Помнишь мы отправляли нашу малышку Валюшу Мишке на подкатки.

– Ну,– кивнула головой.

– В общем, Мишка говорит, ее папашка подходил интересовался, может, им перейти?– голос Костя понизил, передавая информацию как конфиденциальную.

– Ну, что мы можем сделать, если они решат уходить? Ей только одиннадцать. Перспективная, конечно, жалко.

Валя была, действительно, перспективной: пластичной, эмоциональной, послушной, что немаловажно. Прыгала не то что плохо, скорее до нее все время руки не доходили. Самая маленькая в группе, все время кто-то важнее, у кого-то более серьезные старты, им нужно уделить пристальное внимание, а тут пока все только начинается. Собственно, чтобы не потерять темп ее и отправили ставить прыжок к бывшему ученику Кости и Ирины. Мишка пришел уже взрослым, ему было пятнадцать. Прыгал плохо, но любил и внимательно осваивал прыжки. В итоге свою плачевную технику смог исправить до весьма приличной, близкой к эталонной, но здоровья еще и стабилизировать выученное не хватило. Сейчас в двадцать три помогал ставить прыжки молодым фигуристам, да и не только их. К своим тренерам относился уважительно, потому не жалко было ему передать кого-то для

обучения. И деньги не лишние парню. Ира его бы и в штат взяла, но Вовка взвыл, прося повременить хоть пару лет: нет мест, нет бюджета на еще одну ставку, а сдельщиком Миша где угодно заработает больше, чем у них. Так и остался парень на вольных хлебах, подкидывали только своих, когда было невпроворот.

– Ну, поговори с ее родителями, – настойчиво попросил Костик. – Хорошая же девочка. Я в нее верю.

Поморщилась. Не любила таких бесед. Она, вообще, не любила общения с родителями. Лучший ребенок – это ребенок, чьих мамы и папы ты не знаешь ни по имени, ни в лицо. Таких, конечно, не бывало. Мать Вали, допустим, в лицо знала, даже имя помнила Вероника. Отца тоже помнила, но смутно: он и появлялся нечасто, и как-то вечно был тенью, даже когда сам приводил ребенка и присутствовал на тренировках: тихий, неприметный персонаж. Вежливый, всегда здоровался с Иррой, но невнимательный к ребенку – уткнется в ноутбук, так всю тренировку и просидит. Не следил, что там делает дочь. А Вале, между прочим, было важно, чтобы кто-то следил.

Из-за этого у отца фигуристки и их хореографа Александры Малининой случился даже неприятный конфликт, в котором Сашка ушла ни с чем. Поняв, что Валюшка в очередной раз не дождалась папиного внимания в ответ на свои старания, Александра доехала до бортика и позвала нерадивого родителя:

– Послушайте!– мужчина поднял рассеянные глаза на девушку, перегнувшуюся через борт.– Вы видели, что ваш ребенок сейчас сделал?

– Она ушиблась?– попытался понять суть вопроса отец фигуристки.

Почему вы не следите за тем, чем занят ваш ребенок на тренировке?!– возмутилась хореограф.

– Потому что это не моя работа, а ваша,– то ли нахамил, то ли искренне не понял, что от него хочет тренер его дочери.

После этого снова погрузился в ноутбук, видимо, решив, что беседа закончена. Александра обалдела от такого поведения и откатилась подальше. В общем, все они предпочитали Веронику, которая бдила за всем, очень радовалась успехам Валюши и даже на руках по-первости уносила уставшую девочку. Отец совершенно не выглядел перспективным собеседником.

С другой стороны, как поняла по редким разговором с матерью, Ирина, все вопросы в семье по поводу дочери и ее занятий решал именно папа. В общем-то, и понятно: кто оплачивает удовольствие, тот и определяет вектор движения. И все же, если говорить, хотела поговорить именно с Вероникой, все-таки более договороспособный человек.

– Ладно, поговорю с матерью,– отмахнулась от техтренера.

– Лучше с отцом,– предложил Костя.– Его же идея. И с Мишкой он беседовал.

– Когда мы того отца увидим?– снова поморщилась Лансере.– Он же вечно в разъездах каких-то. Ты хоть знаешь, кто он вообще?

Впервые поняла, что и правда, ничего толком о родителях Вали не знает. Ну, мать, кажется, домохозяйка. По крайней мере, единственное, что помнила из слов Вероники: “Я занимаюсь Валюшей”. А кто у них там муж и отец? Понятия не имела. Наведывался на каток отец Валентины то чаще, то реже, бывали прогалы в несколько месяцев, когда вовсе не появлялся. Видимо, работал. Раз девочка обмолвилась, что у папы нередко бывают командировки, но больше трудится дома, анализирует и систематизирует, по словам дочери, что-то. А мало ли таких профессий?! Вот и все.

– Мне кажется, инженер какой-то,– задумчиво ответил Константин.

– Это он так сказал?– удивилась старший тренер больше тому, что Костя хоть что-то знает про папу Вали, чем профессии.

– Да нет. У меня перекосило там в точильном станке что-то в прошлом году, а он как раз пришел коньки дочери забрать. Ну, и быстро объяснил, в чем проблема. Помог поправить. Все заработало.

– Может, просто рукастый?– впервые заинтересовалась всерьез кем-то из родителей своих подопечных.

– Да больно хорошо разбирается. И говорит, ну, не как работага. Образованный, в общем,– не согласился с ней муж-

чина.

– Ладно, какая нам разница,— отмахнулась от предположений Лансере.— Все одно его не бывает месяцами на тренировках.

Открыли завернула за угол, где располагался кабинет и взглядом наткнулась на стоящего у стены мужчину. Легок на помине инженер-аналитик.

– Доброе утро,— кивнул головой высокий мужчина, которому тренер Лансере была едва по плечо, хотя и сама не считала себя малышкой, все же метр семьдесят два.

– Здравствуйте,— растерянно поприветствовала ожидающего.— Вы ко мне?

– Да, хочу поговорить. Я отец вашей ученицы, Валентины Шац.

– Я вас помню,— замялась, потому что помнила только в лицо, а имя вылетело из головы начисто.

Папа Вали то ли не понял замешательства тренера, то ли не посчитал нужным помочь его рассеять, но имени своего не назвал, зато тут же приступил к делу:

– Мы можем сейчас обсудить вопросы, которые меня интересуют?

– Зависит от объема и времени, которое потребует обсуждение,— перешла на такой же отстраненно-деловой тон женщина и покосилась на Константина, стоящего чуть позади.

– Видите ли, я кое-что недопонимаю. Это многое усложняет для меня. Было бы хорошо обсудить. Это касается тре-

нирочного процесса Вали,— на носу у высокого в смысле роста гостя были очки, которые он сначала поправил, а потом вовсе снял.— Видите ли, она шесть дней в неделю тренируется тут, да еще четыре дня ездит на другой конец Петербурга. Это... Девочке ведь надо учиться, понимаете? Я не хочу, чтобы из нее выросла, ну,— затормозил, ища слова, но, кажется, не нашел,— спортсменка.

— В каком смысле?— не понял техтренер.

— Вы, конечно, простите меня,— потоптался,— вот я, допустим, разговаривал вчера с вашей девочкой, Олесей. Она в каком классе? Седьмом?

— Восьмом,— подтвердила Лансере, зная лучше всех об учебе именно этой “девочки”.

— Она же потрясающе необразована!— возвысил голос безымянный гость.

— Ну, знаете!— тут уж зыграло даже не тренерское, родительское.— Олеся учится очень неплохо для профессиональной спортсменки!

— Вот! Я об этом и говорю!— закивал головой мужчина.— Для спортсменки не отличать Ивана Грозного от Ивана Третьего — нормально. А для образованного человека — недопустимо!

— Нафига их отличать?— искренность Кости была запредельной.— Как это в жизни поможет? А олимпийское “золото” точно поможет.

— Чем же?— поднял бровь отец фигуристки.

– Да хотя бы пенсией пожизненной,– вполне серьезно ответил техтренер.

– Не все измеряется деньгами. Да и небольшими деньгами,– отмахнулся от Константина озабоченный родитель.– Понимаете, кругозор – это количество степеней свободы. Я не хочу, чтобы жизнь моего ребенка ограничилась планами на физкультурный институт!

– Очень удачное место выбрали, чтобы сообщить об этом,– усмехнулась Ирина.– Что вы хотите от нас?

– Скажите, сколько эти метания между катками еще продлятся?– приступил отец к тренерам.

– Пока не появятся все тройные,– развела руками старший тренер.

– А когда они появятся?– спросил совсем глупость папаша.

– Если к концу года не появятся, вам лучше искать ей место в танцах,– ничего больше ответить не могла.

– Я понял,– не стал спорить Валин папа.– Значит до апреля терпеть. Долго. Но я понял.

Повернулся и пошел от кабинета. Тренеры переглянулись:

– И что бы я могла ему сказать?– спросила Ирина.

– Да вроде, ты все и сказала,– ответил Костя.

– Некоторые родители, честное слово, хуже детей,– вздохнула брюнетка.

– Почти все,– подтвердил товарищ.

Повозилась с замком и отперла двери:

- Обсудим дела наши скорбные, Кость!
- Давай, у меня еще десять минут,– согласился друг.

## Глава 3

По прошествии десяти минут выпнула Костика раскатывать первую группу спортсменов, предупредив, что подтянется минут через двадцать. большим плюсом команды была возможность делить обязанности. Еще помнила, как куковала на льду по три тренировки подряд безвылазно, не имея времени и возможности толком даже в туалет сбегать. Стоило выбиться в люди хотя бы ради возможности спокойно навестить дамскую комнату.

Впрочем, речь сейчас шла не об этом. Вова уже третий день просил хотя бы какой-то перечень соревнований для предюниоров. Она даже знала кого и куда отправить, но сесть и расписать все это, чтобы подтвердить заявки, сил и времени никак не хватало. Работала Лансере как проклятая. Это не красивый оборот, а правда жизни. Иной раз выходила с катка с мыслью, что сама домой не доедет. И вызывала такси, оставляя автомобиль на парковке у ледовой площадки.

Пока родители были живы, по этому поводу приходилось выслушивать кучу причитаний, но мамы и папы уже шестой год нет, некому попенять Ирке, что всех перезабыла со своим катком. Теперь иногда и хочется, но, увы, любимые люди уходят и не возвращаются из мира прошлого. Мама часто снилась, а отец будто отказывался появляться. Ира думала, что он все же сердится – всегда хотел дочь выдать замуж, до-

ждаться внуков, а она до сих пор его желания не выполнила.

За два дня до одиночества дочь с отцом поругалась. Сильно, с хлопанием дверьми и бегом по лестнице вниз. Папа в очередной раз возмущался тем, что время идет, Ирине уже за тридцать, а никаких подвижек на личном фронте не видно.

– Ладно, ты замуж не хочешь!– смирился папа с упрямством своего единственного ребенка.– У тебя был нехороший опыт. Ладно! Но можно же хотя бы ребенка родить?!

– Детей мне и без рожания хватает,– махала рукой Ира.– Вон у меня с утра до вечера – и только дети, дети, дети! Я им иной раз больше мать, чем родная мать!

– Ты никому из них не мать!– осадил молодую женщину родитель.– Они вырастут и уйдут заботиться о своих матерях. А о тебе забудут. Хорошо, если не злом вспомнят! Человеку нужна семья!

– У меня есть вы,– попробовала отбиться от возмущений.

– Мы с матерью не вечные. Нас, может, уже завтра не станет!– как в воду глядел.

– Надоело!– отрезала Ира, поднимаясь с родительского дивана.– Я устала!

– Это с чего ты устала?!– повысил голос папа.– От моих справедливых слов устала?!

– Да, и от них тоже!– огрызнулась дочь.

– Может, мы тебе не нужны, как и дети?! Может, тебе, вообще, без семьи было бы лучше?!– завелся Валентин Лео-

нидович.

– Без семьи, где я вечно недостаточно стараюсь на премоножение этой семьи?!. Не исключено!– выплюнула гнев Ирина.

– Пошла вон!– рывкнул мужчина.

Собрала вещи и вылетела прочь, думая, что уже через две недели отпуск, уедет отдохнуть, соскучится. Снова будет мир по приезде. Отпуск провела в решении бюрократических вопросов. Трудно хоронить родных, еще труднее жить после похорон. Во всех смыслах. В автомобиль родителей, за рулем которого сидел папа, влетела фура. Водитель был не виноват. Отказали тормоза. А мамы и папы не стало. Совсем. Больше никто не интересовался у нерадивой Ирки, когда же она решится обзавестись ребенком. И папа не снился. Получается не простил последней ссоры.

Закусила губу, сдерживая слезы. За шесть лет с гибели отца и мамы так и не привыкла к мысли, что их нет. Каждый раз будто душу прищемляло тисками. Начинала плакать и с трудом останавливалась, если позволяла вытечь хотя бы первым слезинкам. Сейчас было важно не дать себе слабину. Впереди длинный трудный день. Поплачет вечером, дома. Если, конечно, хватит на что-то сил.

Дверь распахнулась без предварительного стука или иноого предупреждения. В кабинет влетела, как всегда чуть заполошенно, Сашка. Вздернутый носик, вечная улыбка, закладывающая ямочки на щеках, непослушные кудрявые волосы

темно-русого цвета.

– Я же не опоздала?– сверкнула веселым взглядом из-под густых ресниц хореограф.

– Вообще-то опоздала,– улыбнулась Ира одной половиной губ.

– Но ты мне простишь это за гениальность и устремленность к высям!– потребовала Александра.

– Прощу,– согласилась старший тренер.– Лишу премии и прощусь.

– Змея!– скривилась Сашка.

Александра появилась в команде через два года после Кости. Влетела на каток во время тренировки восемнадцатилетняя, чуть безумная и заявила:

– Я к вам на работу!

– Ребенок, ты хоть школу бы закончила,– назидательно притормозил девицу Константин и скопил глаза на начальство.

– А меня Владимир Андреевич к вам прислал,– зашла с козырей шепутная соплячка.

– С чего это?– подняла бровь Лансере.

– А вам нужен помощник тренера. Вот! Я помощник!– доложила свалившаяся на их головы девушка.

– Не было печали!– резюмировал Костя и поехал к детям.

Кто Вове сосватал эту шаровую молнию так и не поняли до конца. кажется, кто-то из знакомых по бесчисленному количеству ледовых шоу. Костик уверял, что Вовке не пред-

ложили, а сбагрили беспокойное хозяйство на руки. Однако же, при всей своей непоседливости и внешней безалаберности Санька оказалась на редкость сознательной девчонкой, но главное с полюборота подбирала ключи к сердцам фигуристов от мала до велика и совершенно не чуралась и не боялась общения даже с самыми маленькими.

Глядя однажды, как выкатывает стайку пятилеток, то покрикивая, то развлекая, Ирина похвалила:

– Ты умеешь находить подход к детям.

– Да чего там находить-то?– рассмеялась колокольчиком Саша.– С ними, чем честнее и проще, тем сподручнее. Я уж знаю. У нас еще трое. Родители вечно работают, фигурное катание, знаете ли, недешевый спорт, да и маленьким надо в кружки и секции. Пока подкатывать не начала, помогала, чтобы маме не срываться с работы. Тут главное – привычка. Я, вообще, все умею: и накормить, и причесать, и помочь с одеждой, если совсем туго или медленно. Ну, и всякое там, по душам.

Выходило, что помощница тренера – бесценный человек, особенно на сборах. Так взяли ее в первый раз, потом во второй. А после стала Саша неотъемлемой частью команды. Обязанности свои понимала прекрасно. Безропотно носилась с малышами, веселилась со старшими. Впрочем, вела себя осмотрительно, грань дозволенного переходить не позволяла. С подростками так и вовсе брала временами тон, которого и Ирина не выкручивала в диапазонах. Но девушку

все равно любили. Даже Костя со временем оттаял, проникся и принял как младшую сестренку. Отпугивал хоккеистов, то и дело посягавших на юную тренершу, обещая оторвать все то, что они пытаются всучить его молодой коллеге.

В те времена Костя еще был сам молодым, влюбленным, верившим в идеалы семьи и брака, потому чуть ли не после первой прогулки ухажера с Санькой подступал с расспросами, серьезно ли у того? Так и разгонял. Потому что какое может быть серьезно на сборах, когда завтра вы разъедетесь и непонятно, встретитесь ли в ближайшее время? в конце концов, техтренер добился лишь того, что Александра начала прятать от него свои увлечения тщательнее, чем Штирлиц шифровки из штаба.

Сейчас все уже успокоились Саше шел двадцать шестой год. Костя запутался в собственных женщинах и кризисе среднего возраста. Да и никого, кажется, серьезного у молодого хореографа группы Лансере не было, так чего ноздри раздувать и жаром пыхать по адресу недостойного, что отирается возле их “прелести”.

Санька, и впрямь, была прелестью. И не только за трудолюбие, душевность и умение находить контакт с детьми. Она еще оказалась редкостно талантливой малышкой. Выяснилось это года через три с начала работы. Ира буквально зашивалась с постановками. Ее на фоне гонки покинули не только силы, но и вдохновение. В конце концов, плюнула на все и позвала Александру.

– Делать ничего не надо. Только смотреть!– велела помощнице.– Если совсем ерунда, сказать!

На дворе был вечер, скорее уже почти ночь. Ставили какой-то дююниорочке короткую. Под бодрую музыку Ира показывала, девочка повторяла. Саша молчала. Молчала. Молчала. А потом сказала:

– А зачем поворот через твизл? Поставьте тут спираль, а твизл в конец дорожки. Красивее же.

Ира воззрилась на девушку, но та не стушевалась, продолжила объяснять. Заодно показала, как ей видятся руки в одном месте, переход в другом. Было свежо и интересно.

– Завтра берешь Машу и Льва, будешь им ставить программы,– велела Ирина.– Я проконтролирую.

Маша и Лев – спортсмены совсем мелкие. Особенной опасности не было. Главное составить все в соответствии с требованиями к программе на их возраст. Александра подошла ответственно. Простудировала все техбуки на эту категорию. Пришла настроенной и очень старалась. Выходило, конечно, не без слабых мест, но в целом – перспективно. С потенциалом. Еще два года водила за собой за руку, учила, следила, отдавая все больше свободы творчества. Сейчас Саше можно было доверить процесс постановки полностью, но все же Лансере присматривала, доводила детали, работала над яркими штрихами. И функционировало отлично.

За годы рядом сдружились до родственной близости. Как три мушкетера: один за всех и все за одного. Костя помогал

своим женщинам там, где был нужен мужик, девочки прикрывали друга-потаскуна от жены, да и просто поддерживали, выслушивали, гладили по светлой глупой башке. Родной же! Сашкиных брата и сестер привечали на катке как своих. Брали на сборы, особенно летом. Братишка Александры снимал интересные видео и фото, выставляли в соцсети, появились поклонники, которые следили за спортсменами и тренерами. Стали не только коллегами, семьей. Тайн друг от друга не имели. Ну, разве что Костику раньше времени не докладывали о своих мужчинах. Он ревновал или как это назвать – опекал что ли? Но друг другу выплакивали обиды на мужской пол.

Но в последний год у обеих на этом фронте образовалось полное затишье. Было не до мужчин. Олеська отнимала много времени. Два парня-юниора – тоже требовали сил. Взрослые так не беспокоили, потому что звезд с неба не хватало и не будут уже хватать, кажется, а вот молодежь могла стать отличным трамплином для выхода в большую тренерскую элиту. Не дышали на ребят и глаз не спускали. Во-первых, чтобы не надурили сами; а во-вторых, чтобы не увели ушлые коллеги-конкуренты. Дело-то обыденное. И федерация нашепчет родителям, и конкурирующие организации подкажутся в лице своих представителей. В общем, только и следи.

Один прецедент уже был, два года назад ушли сразу двое – за год до взрослых стартов. неплохие были спортсмены. Одна теперь выступает за Грузию. Второй закончил. Обидно?

Еще как!

– Ну что, мы идем?– склонила к плечу голову Саша.– А то Костя без нас не углядит.

– Костя без нас углядит,– защитила от язвительного языка подруги товарища Ира.– Он и за нас углядит, и за себя не упустит.

– Так чего? Не пойдем?– прищурилась хореограф и покрутила пальцами у лица, давая понять, что речь зашла о невиданном.

На среднем пальце блеснуло красивое кольцо. Точно новое.

– Откуда такая цацка?– поинтересовалась Ира, вынимая из-под стола коньки.– Новый кавалер одаривает?

– Сама купила!– доложила хореограф.– “Картье”, между прочим!

– По какому поводу кутеж?– удивилась старший тренер.

– Могу позволить себе!– гордо сообщила подруга.

– Мы тебе переплачиваем что ли?– усмехнулась, удивляясь неразумным тратам, Ирина.

– А это не вы,– Сашка осеклась, заерзала душой, убежала куда-то глазами и неловко добавила,– мне родители помогли...

– О! Кого-то повысили в должности?– с деньгами в семье Александры стало, конечно, сильно проще с началом ее работы, но не до уровня свободной покупки дорогих побрякушек в ювелирном.

– Ну.. нет. Это так,– Сашка тут же сменила тему.– Ты смотрела тот кусок, который хочу переделать в произвольной Руслану?

– Смотрела,– согласилась с переменной Лансере,– в целом, не против. Поглядим, как на него сядет.

Переключились, но внутри старшего тренера осадком осталось ощущение наговоренного и замолчанного момента. Отодвинула за незначимостью. Мало ли что там у Саши?! Решила поделиться своим горем:

– А про нас тут новая книжонка вышла.

– А?– задумчиво протянула хореограф.– Ну, да, как всегда.

Кажется, меньше всего ее интересовали пасквили, косящие под литературу. Но вдруг Саша встряхнулась, вернулась в общую беседу и выдала новость, взорвавшая коллеге мозг в буквальном смысле:

– А ты, кстати, в курсе, что издательство анонсировала первую книгу серии, выпускаемую в режиме онлайн?

– В смысле?– не поняла собеседница.– Что это значит?

– А значит это только то, что раньше книга выходила целиком, ее можно было купить лишь по окончании, а теперь открыт формат покупки недописанного произведения. Ты подписываешься на сайте на пишущуюся книгу, платишь ежемесячно небольшие деньги, а автор обещает, что каждый месяц выходит не меньше какого-то количества глав.

– В смысле? Они продают ненаписанный роман что ли?

Кому это надо?!— совсем растерялась Ирина.

— Ну, многим. Можно же в комментариях предлагать автору развитие сюжета. Вдруг примет. И напишет то, что ты хочешь.

— Удобно устроились. Давай и мы начнем впаривать непоставленные программы,— усмехнулась Лансере.

— Давай, но кто их купит?— развела Александра руками.

— И тут мы в пролете!— вздохнула старший тренер, открывая двери.— Пошли работать. И коньки свои из тренерской забери, творческая единица!

— Заберу по дороге!— кивнула Сашка.— Но вообще, скажи же, придумано хорошо. Я бы даже поучаствовала.

— В чем?— голова уже переключилась на тренировку, было не до побочных тем.

— Ну, в книге же!— ткнула в бок подругу кудрявая коллега.

— Я тебе поучаствую!— цыкнула Ира.

— Ну и ладно,— вздохнула хореограф.— Но интересно же! А тебе просто не нравится, что кто-то тебя использует.

— Не нравится!— отрезала Ирина.— Найду, вышвырну!

Решительно пошла по коридору в сторону катка, неся коньки подмышкой.

## Глава 4

– Чего-то у нас сегодня аншлаг, – заметила Саша, шнуруя коньки.

Подняла кудрявую голову и посмотрела на Константина, ждущего своих женщин.

– Не гляди на меня так, – подмигнул Костик, – это не я их всех собрал. Они сами!

– Ну, конечно, сами. Что за сеанс массового катания?! – снова возмутилась хореограф.

– Сань, не бухти, – попросила Лансере, поднимаясь и проверяя, плотно ли шнуровка, хотя за годы в коньках и шнуруешься автоматически.

– Вот именно, Шуренок, – поддержал начальство текстренер, протягивая женщине руку, – не бухти. Всем надо работать. Всем надо прогрессировать!

Только Ирина успела выступить на лед, как сбоку раздалось злое и испуганное:

– Твою мать! Куда лезешь под конек, личинка?!

Все трое тренеров резко развернулись на звук нервного выкрика. Маленькая, оформляющаяся активно из ребенка в девушку блондинка Валерия цепко держала за плечо Валю и шипела, чтобы та не смела даже рядом оказываться, когда старшие работают.

– Что происходит?! – голос у Иры, когда ситуация выгля-

дит острой, становится из грудного и мягкого резким, похожим на карканье большой вороны, не любит себя такой, но сделать ничего не может – волнение.

Старшая из девочек резко разворачивается к тренеру и выпускает локоть младшей. Валя тут же откатывается подальше. Волосы у обеих растрепались во время активной раскатки. У одной лицо испуганное, у второй озлобленное.

– Лер, что за вой на болотах?! – манит к себе пальцем Валерию, и фигуристка подчиняется.

– Вой?! Захожу на прыжок, а она мне чуть в спину не въехала! У меня через неделю старт! – снова заводится старшая фигуристка. – Почему на катке малышня?!

– Они такие же спортсмены, как и ты! – не признавать же перед каждой крикливой пубертатницей собственный просчет.

Ну, и потом, у всех сезон, подготовка к стартам. Всем надо больше льда, больше работы. Не успевают в свое время. Вот, приходится трудиться дополнительно. В конце концов, сама Лерочка ни разу не отказалась от дополнительного льда с другой группой! Да и при чем тут Валя? Она-то как раз в свое время и на своем льду. Всю дорогу вместе тренируются.

– Набрали детсадовцев, а ты только и делай, что уворачивайся от этих пешеходов и остывай, пока они целятся полторашки крутить! – выдала Валерия.

– Рот закрой! Иди работай! – рявкнула, потому что не выдержала, Лансере.

Лера передернула плечами и поехала по кругу, заходя на новый прыжок. Впечатленные скандалом малыши прижались к бортикам.

– Работаем, работаем, работаем!– захлопал в ладоши Костя, отклеивая от бортов детей.– Лера вам мешать не будет!

Ирина невольно ухмыльнулась. Был в Константине тихий яд. И пользовался он им умело. Что шутка не понравилась разгоняющейся фигуристке, увидела по поджатым губам и заходу. Только успела подумать: “Сейчас перекрутит”,– как спортсменка, вылетевшая в тройной лутц, действительно приземлилась с перекрутом на четверть и, не удержавшись, вывалилась из выезда на бедро. над катком раздался бодрый мат. Упала Лера не столько больно, сколько обидно и тяжело для самолюбия.

Вдруг поняла, что ведь тот, кто пишет, может сейчас быть здесь, наблюдать за скандалом. Подмечать реакции всех участников. Внезапно ощутила себя под прицелом снайперской винтовки или фотоаппарата наглого папарацци. Стало неудобно. Глаза сами собой пробежались по льду мимо детей, которых, конечно, ни в чем не подозревала. Притормозили на двух младших тренерах, пасущих маленьких. Не цепляясь, проскользнули по Косте, чуть задержалась на Саше, которая давно углубилась в работу с Русланом, показывая, что хочет переделать в его программе.

За бортиком хореограф современного танца наблюдает за малышами и поглядывает на Сашку с Русланом. Ира сама

просила прийти и посмотреть. Рядом почему-то стоит Володя, но никого не зовет, стало быть просто пришел посмотреть. На звуке сегодня юная помощник тренера. Разбирается хуже детей в аппаратуре, так что ее консультирует их врач. Большинство из перечисленных, кроме, может, хореографа Насти, бывают на тренировках если не постоянно, то очень часто. Любой мог бы замечать и переносить в текст их быт, тем более они так же вхожи в тренерскую, слышат частные беседы Ирины с командой и обычный треп ни о чем.

Подняла глаза чуть выше, там два ряда скамеек на двух рядах трибун. Кажется, мест пятьдесят, не больше. Сидят родители. Задержалась взглядом на высоком мужчине, не отрывающемся от ноутбука. Он, наверное, и не заметил конфликта между Леркой и его дочерью.

Больше мужчин не было: мамы, бабушки. Все сосредоточенно глядят на лед. Следят за своими. Кое-кто и выкрикивает с места, чтобы чадо не забывалось, трудилось. Сколько там человек? Ну, пожалуй, пятнадцать. Любая из этих теток, в принципе, может писать о том, что происходит на катке. Но вряд ли за катком, не так ли?

Задумалась о том, насколько много деталей было из внеледовой жизни их команды. Поняла, что не вспомнит. Кажется, придется почитать внимательнее. Вдруг удастся сократить список исключительно до коллег или до родителей. Последнее, впрочем, вряд ли. Если кто-то из работников катка шифруется, может же специально избегать подробностей

из той же тренерской, не так ли?

– О чем задумалась, красотка?– потрепал за плечо Костя, чтобы привести в сознание подругу и вернуть к рабочему состоянию.

– Да так, после тренировки расскажу,– встряхнулась Ира.– Сашка говорит, что к нам пришла беда, откуда не ждали. Из района интернета.

– Мы стали знамениты?– уточнил техтренер.

– Пока нет, но скоро можем. Как минимум наши персонажи у той авторницы, которую читает твоя Аленушка.

– Кстати,– притормозил Костя,– прикрой меня сегодня до вечера, если вдруг будут вопросы.

Не хотела и не любила служить для обманутой жены оправдательным листом от блудника-Кости, но куда деваться? Друг же, пусть дурной и врун, но друг.

– Не люблю я этого!– чуть повысила голос.

– Последний раз!– ерунда, естественно, обязательно будет еще куча последних разов.

– Какова официальная версия наших ночных посиделок?– музыка стихла и последняя фраза стала хорошо слышна надо льдом.

Константин приблизился почти вплотную, чтобы диалог не превратился из частного в общественный и зашептал на ухо:

– Скажи что решаем технический вопрос по перестановке прыжковых элементов для Амалии и Валеры.

– Хорошо. Пусть будет так, но я тебя однажды убью!– угроза шепотом потонула в новом треке, наконец-то запущенном их неопытным диджеем.

Верю в тебя, больше, чем в себя,– в полный голос сообщил Костик, не сдвигаясь.– И только в тебя!

Последняя фраза снова вышла на весь каток, потому что музыка внезапно стихла. Врач и помощница тренера что-то активно обсуждали. Доктор Тема показывал на кнопки, а почти девочка-помощница судорожно пыталась дернуть правильный рычажок.

– Стоп музыка!– велела Лансере, отъезжая к звуку.– Так, катаем связку шагов. По паре выходим и едем параллельно, не мешая друг другу, иначе все не успеют.

– Кто бы сомневался!– раздался сердитый и усталый голос Лерки.– Даже не вставай со мной катить!– напустилась на кого-то спортсменка.– Ты будешь лезть под ноги и мешаться!

Обращать внимание не стала. Пусть сами разбираются.

– Те, кто по правую руку от меня начинают выкатывать первыми. Те, кто по левую считают до десяти и выезжают!– командовала Лансере. Следующая пара начинает, когда предыдущие дошли до центра! Ясно! Увижу бардак и баловство, выгоню с тренировки!

Когда их на льду толпа, спасают только ежовые рукавицы. Фигуристы знали, что у ИрыВали лучше не проверять крепость нервной системы и предел толерантности. Первая пара вышла. Контролировали с трех сторон: Костя стоял у даль-

него короткого борта, глядел прямо на едущих спортсменов. Ирина следила с одного длинного бортика, со стороны судей, Саша – с противоположного. У тренеров задача запомнить ошибки и потом объяснить их спортсменам, дав задания по исправлению. У фигуристов задача – не наделать этих ошибок больше того, что могут запомнить тренеры. Им же хуже, если что-то не вспомнят, так и останется на растерзание судьям на старте.

Самое трудное, вообще-то, не научить ребенка элементам. Тут, конечно, многое от природных возможностей и трудолюбия зависит, но в целом, это не так сложно. Очень сложно научить их быть недовольными собой и стремиться к максимуму. Ведь они много трудятся, тяжело, не щадя себя. И хочется похвалы. И от тренеров, и от родителей, и от самого себя. А нужно быть максималистом, находящемся даже в самом хорошем старте, выполненном элементе, возможность остаться собой недовольным. Тогда есть стимул расти. Если ты всем доволен, зачем тебе становиться больше себя самого? сложнее только понимать, что ты молодец, при том что остался собой недоволен.

Ирина сама жила по этому принципу, мечась между самобичеванием за каждую оплошность и восхищением собственными успехами.

Если объективно, она многого добилась к неполным сорока годам. Группа – двадцать два спортсмена. Ладно, трое с травмами, но девятнадцать работают. Сейчас на льду – три-

надцать. Невольно поморщилась, понимая, что много. Надо все-таки выбивать из Володьки дополнительный лед. И пусть возмущается сколько угодно! Сезон еще помучаются, а там год до олимпиады! Ей Олеську в этой бочке сельдей что ли готовить?!

Сразу вспомнила, что подопечная сейчас на хорео-классике, а следом подумала, что сегодня в зале точно никому не тесно. Всего-то шестеро, остальные упорно катаются. Конечно, не очень правильно, но как иначе? У них всего шесть часов льда на всех. Каждому ребенку надо минимум по три. Если отстает или что-то не получается, значит прихватывать с другой группой еще время. Что-то при таком раскладе пройдет стороной, например, весь балет.

– Ну, давай! Работай коленом, держи ребро!– думала о своем, а глаз с катящихся спортсменов не спускала.– Та фигуристка, что была ближе, никак не могла поймать ритм и скорость дорожки.

Ее болтало по линии, шаги выходили неуверенными и грязными. С таким исполнением можно и до базовой стоймости скатиться.

У них математический спорт. Спортсмен должен понимать, что его труд точно измерим и может быть адекватно оценен, и им самим, и наставниками, и, конечно, судьями. Иногда, чтобы убедить ребенка, что он ошибается приходилось не только авторитет включать, но и камеры в телефонах. Вовка все обещал установить нормальную систему видеоза-

писи от бортика, но пока слова оставались словами. так что вынимали телефоны и бегали за подростками, чтобы поймать детали.

Впрочем, иногда не спасала ни съемка, ни откровенные галки, оставленные коньками на льду, что было очевидной демонстрацией недокрута. Спортсмен упирался и твердил как заведенный:

– Я прыгнул чисто!

– Выезд говорит, что ты неправ!– увещевали с Костей на два голоса.

– Я прыгнул чисто! Вы придираетесь!– в большинстве случаев так начинался конец отношений тренер-спортсмен.

Слишком многое они знают про детей, слишком многое проходят. Слишком о многом приходится разговаривать, чтобы терпеть сомнение. И слишком за многое отвечать, чтобы надеяться, что в нужный момент недоверие станет полным доверием. Обычно в стрессе соревнований все ухудшается и усугубляется.

– Куда ты вперед лезешь!– Лерка опять бушует.

Девочке тринадцать, почти четырнадцать. Она талантлива, но сейчас активно начала оформляться и все стало даваться намного сложнее. Прыжки уходят, вращения замедляются и разбалтываются. Лере трудно. Она злится. Тренеры тоже злятся, но при этом надеются, что через пару лет все само собой придет в норму. Тело привыкнет к себе новому, закончит меняться. И получится вернуть то, что сей-

час утрачено.

Объективно говоря, Лерка просто рано взрослеет. Олесе почти пятнадцать, но пока и близко нет таких округлостей, которые у ее младшей сокомандницы, распекающей сейчас слишком быстрого против нее ребенка, что успел догнать Валерию на дорожке и посмел делать скобу вровень с ней.

– Карсавина!– рывкает Лансере.– На выход!

– Конечно, зачем мне готовиться!– комментарий однако сопровождается отъездом за бортик.

В Лере живет недоверие. Видимо, скоро расстанутся. Поморщилась, словно зуб заболел. Автоматически бросила взгляд на директора. Володя прижался сильнее к стене, чтобы пропустить летящую, никого не видя, мимо него фигуристку. Почувствовал взгляд из-за бортика и ласково улыбнулся Ирине. Хороший человек Вовка, но лед придется из него выколотить, хоть ногами. Это просто невозможно!

Второй раз за время работы окинула взглядом сидящих родителей. Почти за каждым фигуристом наблюдали. Кое-кто и в две пару глаз. Знала точно, что женщины сидящие плечом к плечу по центру – бабушка и мама Руслана. Снова задержалась на ссутулившемся отце Валентины. Вот зачем человек приходит на тренировки, если вечно занят своими делами?!

Если отрешиться от раздражения скандалом с фигуристкой и нервным разговором с этим папашей, то мужчина он очень интересный. И шевелюра красивая. Пострижен не ко-

ротко, от этого пряди удлиненной челки приходится то и дело отбрасывать рукой, чтобы не мешали печатать или выполнять другую работу за компьютером.

Вспомнила, что когда-то ей даже нравились подобные мужчины. Ну, в те времена, когда она еще думала о мужчинах и интересовалась тем, нравятся ли они ей. То есть очень давно, еще до того, как нажила себе группу в двадцать два спортсмена, каждый из которых – источник проблем. Дополнительных проблем в виде кавалера не надо. Даже такого интересного, как Валин папа. К тому же он женат, так что совершенно не вариант!

## Глава 5

– Ириночка Валентиновна! Ириночка Валентиновна!– голос за спиной Ира узнала и приложила массу усилий, чтобы не передернуть плечами.

Мама Владика Христенко была женщиной со всех сторон прекрасной, однако ж, не было у ее сына никаких шансов на успех. И не потому что сам Влад был бездарен. Честно говоря, по нему и не понять, и вот как раз – из-за семьи. Ирине иной раз казалось, что она родителей воспитывает больше, чем детей. Ну, вот ей богу! Мама Владика не была матерью спортсмена. Хлипкая. А папу Владика тренеры знать не знали и видеть не видели. Самому Владу было полных тринадцать, по возрасту он выходил в юниоры, но уже больше года бился за разряд КМС и никак не добивался.

– Да, Маргарита Сергеевна. Добрый день,– развернулась, предчувствуя, что обед накрывается медным тазом.

Вторая тренировка, хоть на ней спортсменов было поменьше, выдалась куда как более трудной. Они дважды поцапались с Олесью так, что в итоге отдала ее с рук на руки Косте и велела делать, что тот надумает, но чтобы верное, то есть внутреннее, ребро на флипе стабильно появилось.

Олесья была той самой типичной луцисткой. То есть ей гораздо удобнее прыгать, выталкиваясь с внешней части стопы, а стало быть – внешнего ребра. И это совершенно не име-

ет никакого значения на всех прыжках, кроме флипа, где за то самое внешнее ребро настучат по шапке, то есть по оценке. С Олесей они бьются фактически всю карьеру: спортсменка старается не расслабляться и следить за техникой, а тренеры пытаются куда-нибудь в слепые для судей зоны ставить выталкивание. В общем, срабатывает. С другой стороны, судьи же тоже не дураки, если у вас который год катается спортсмен и вы не можете нормально рассмотреть его прыжок во время проката так же из года в год, наверное, там что-то не так? Плюс все еще усугубляется юниорскими стартами, где следят за техникой прыжка вдвое пристальнее. Ира ждала взрослых соревнований, ждала, когда начнут хоть немного прощать. Видела же, что прощается титулованным спортсменам. Да за такое на каком-нибудь первенстве Санкт-Петербурга по КМС обкорнали по баллам как барашка на стрижке, то есть до голой базы-кожи, а взрослому призеру гран-при моргнут и забудут.

В общем, бились над флипом, в очередной раз превратившимся в полное непотребство. За неделю до старта – самое время, что уж там скажешь! Ругались громко и от души. Всех оповестили о том, кто и что думает по поводу второй. В конце концов Олеська разревелась, а Ира, чтобы не последовать ее примеру, махнула рукой Константину и вручила спокойному как удав техтренеру заплаканную спортсменку.

Во время таких тренировок ребята типа Влада ее интересовали мало, разобраться бы с теми, кто на самом деле рабо-

тает и хочет чего-то добиться. Зато мама Влада обычно отлично замечала, если ее сыночке не перепало внимания и заботы тренеров на льду. И после таких тренировок обязательно вылавливала Иру и “беседовала”. Ругаться никогда не ругалась, вероятно, понимала, если повысит голос и начнет предъявлять требования, тренер отреагирует симметрично, там под шумок и наладит нерадивого Христенко христа ради куда подальше. Тактика у мамы молодого фигуриста была по принципу “ласкового телка”. И ненавидела это Лансере больше ругани, потому что была бессильна. Трудно закручивать гайки, когда с тобой говорят так нежно, мило и с полным пониманием трудностей, чуть ли не каяться приходят – только не бросай! Ира и не бросала, просто терпеть не могла бесед с мамой Владислава.

– Ираночка Валентиновна, такая тяжелая у вас тренировка! – заохала сочувственно женщина, пытаясь взять тренера аза ладонь.

Ира быстро спрятала руки за спину. Не особенно красиво, но спокойнее.

– У Олеси старт через неделю. Трудный период, – кивнула Лансере.

– Да, да! Все-таки наша Лесенька – просто чудо что за ребенок! И сколько трудится! сколько старается! Как вам только удастся так ее держать в тонусе?! У меня в Владей совсем не получается, но с девочками матерям, конечно, проще, – по росту собеседница была наголову ниже Ирины, вся

мягонькая и сладенькая в каждой черте, полностью соответствующая своей манере общаться, казалось, окутывала словами как туманом.

– Я Олесе не мать!– поправила причитающую.

– Так тем более! Тем более!– зазвенелов воздухе еще приятственнее и сочувственнее, что означало, скоро будет прямая атака.

Двинулась на выход, надеясь, что ее оставят в покое быстрее, да и надо же пообедать, хоть на ходу от стойки раздачи до обеденного стола в ближайшем кафе. У них в двухстах метрах от катка недавно открылась вполне сносная столовка, наконец-то стало можно не таскать с собой лотки с едой. Теперь просто отправляла Олеську туда в надежде, что она ограничивается супом и овощным рагу, а не тортиками и капучино.

Как все девчонки, ее “звезда” любила сладости. Как все подростки-фигуристки, рисковала расплатиться за эту любовь большими проблемами. Вес у Олеси пока более или менее поддавался контролю, но уже почти год для этого приходилось прилагать усилия. Вечерами обе постились кефиром. Ничего не поделать, если в доме растущая фигуристка, диету держат все. Не будете же вы есть торт, когда ребенку нельзя даже кусок хлеба. Это нечестно и это уж совсем не товарищески и не по-родительски – оставлять страдать маленького человека в одиночку. Ирина не оставляла. Похудела на три кило под этот диетических марафон.

А вот мама Владика, вероятно, не держала голодовок вместе с сыном. Мальчишек, конечно, чуть меньше контролируют, но в период роста и за их обеденным столом стоит присматривать. Меняющийся рост и вес в сочетании – почти наверняка травма. У Влада и то, и другое не устаканивалось. Ну, с ростом сделать ничего нельзя, а вес – однозначный недосмотр родителей.

– Вы сегодня, Ириночка Валентиновна, к Владiku только раз подошли, – квохтала мамаша. – Вы же знаете, как для него важно ваше внимание!

– Мое внимание важно всем спортсменам, – вздохнула Лансере, понимая, что мать фигуриста выкатила на любимую дорожку.

– Конечно, конечно! Но у Владеньки такой возраст. Я ему уже не авторитет, а вас он так уважает! – по мнению Ирины, сколько она ни наблюдала семью Хрстенко, мать там никогда для ребенка авторитетом и не была. – Вам стоит только сказать, он всегда слушает.

– Да не слушает он никого и ничего! – не выдержала голодный тренер. – Я сегодня какие задачи на тренировку Владу поставила? Вы же слышали?

– Слышала, конечно, как же! Я очень внимательно слушаю всегда! – тут не отнять мать, и правда, присутствовала на катке круглосуточно: на всех занятиях, в коридорах, не отпускала своего Владика ни на шаг.

– И сколько он выполнил от того задания? – уточнила Лан-

сере.

– Ему трудно и нужна поддержка!– а интонациях родительницы произошли неуловимые, но очевидные изменения.– Он бы намного лучше тренировался, если бы ему уделяли достаточно внимания!

– Сейчас в приоритете спортсмены, готовящиеся к более важным стартам,– Христенко-мать за пять минут надоела больше ленивого Христенко-сына за целую тренировку.

– Выходит кто-то важнее, а кто-то плати деньги и сам с собой катайся и тренируйся?!– ну, так хотя бы привычно.

– Владислава контролируют так же, как и любого другого спортсмена,– пресекла попытку обвинить команду в плохой работе.

– Кто? Ваша девочка-постановщик, которая ни один прыжок не может поставить или сопляки, которые малышами занимаются?! Влад не того уровня спортсменов, чтобы с ним возились тренеры третьего эшелона!– голос матери зазвенел негодованием.

– Того,– и это была правда.– Ваш Влад не может даже кандидата в мастера защитить уже второй год. Кого ему в тренеры? Арутюняна и Тутберидзе на подкатки что ли?

Насмехаться, в общем, не хотела, понимая, что для матери ее ребенок главное и важнее всех, но вышла насмешка.

– Если вы не будете заниматься с моим ребенком как следует, я подключу свои связи! Я в журналистике работала! На вас вся пресса окрысится, когда узнает, что вы работаете

только со своим приемышем, а остальные по боку!

– До свидания, Маргарита Сергеевна,– холодно ответила Лансере,– я иду обедать, а вы успокойтесь и, наконец, проследите, что делает ваш сын и в каком состоянии он приходит на тренировки! А еще попробуйте не опаздывать! Это уж вовсе не вина Владислава, что его мама не способна рассчитать верно время и маршрут движения до катка!

– Мы будем искать другого тренера!– взвизгнула обозленная мать в спину уходящей Ирине.

– Удачи вам в поисках,– действительно хотела, чтобы нашли кого-то и оставили их в покое.

На выходе столкнулась снова с отцом Вали, который заводил ребенка с улицы. Вероятно, они тоже обедали.

– Валюш, в темпе за коньками,– увещевал отец девочку,– у меня встреча через полтора часа. Только успею тебя довести на тренировку к Михаилу Юрьевичу.

– Ты не останешься?– грустно спросила дочь.

– Нет,– от резкого отрицательного качания головой светлая челка упала на глаза и мужчина ее отбросил назад, убирая от глаз.

Ладонь, поправляющая волосы была большой, но при этом очень аккуратной. Пальцы длинные, крепкие. Будто художник нарисовал эскиз, упражняясь в изображении анатомии ладоней. Не так-то просто нарисовать руки, а так красиво, как эти – и подавно. Венка выделявшаяся на тыльной стороне запястья бежала от безымянного пальца с обручаль-

ным кольцом и пряталась в середине кисти, как река, уходящая под землю. Отец фигуристки поднял глаза и рассеянно взглянул на тренера. Успела заметить длинные, по-девичьи чуть загибающиеся вверх ресницы и глаза, серые, стальные, будто поблескивающие холодом, совершенно не вяжущиеся с рассеянным образом.

– Вы не остаетесь на дополнительных тренировках Вали? – уточнила у безымянного папы.

– У меня своя работа. Я не могу сидеть сутками возле ребенка, – спокойно прозвучал мягкий баритон.

– Тогда я бы хотела, чтобы с Валею на тренировках была мать, – настоятельно попросила тренер.

– Я бы тоже этого хотел. Не все наши желания выполнимы, – пожал безразлично плечами собеседник.

– Ребенку важно знать что кто-то есть рядом, когда трудно и когда тренер требует. Так он понимает, что тренер не требует лишнего или невозможного. Это поддерживает доверие между нами и детьми, – попыталась объяснить ценность своих пожеланий.

– Я учту, – кивнул Валин папа.

Еще одна головная боль! Что-то подсказывало, что мать Христенко против этого равнодушного ко всему и вся блондина им еще за счастье покажется.

Вообще, предпочитала, чтобы с отцом общался Костя, а еще лучше, и с матерями, и с отцами, но с мужчинами – особенно. К почти сорока годам убедилась: сама она мужиков не

понимает, а после развеселого французского брака, кажется, и не любит. Уж точно не верит ни одному их слову и ни одному доброму порыву. Жизненный опыт показывал, что среднестатистический мужчина интересуется собой, своими интересами и своими желаниями. На остальных ему, если честно, начхать с высокой колокольни. И пусть разбрызжется пошире. Если по-правде, это не так и плохо, когда у папы есть цель вырастить олимпийского чемпиона, допустим, но коли таких целей нет, то отцы – непробиваемая пустота: а главное почему-то вечно уверены, что лучше тренеров знают, что и как нужно делать.

Вот даже сейчас. Она ведь вполне разумно объяснила, зачем нужны родители на тренировках. Тем более на тех, где нет никого из основных тренеров их команды. И что получила в ответ? Полное равнодушие к ее доводам. Отмахнулась папочка Вали и даже не подумал, как бы поменять ситуацию. И вот самое удивительное. что им мешает-то? Очевидно, Валюшина матушка, которая занимается только Вале́й, может без всякого напряжения сопровождать ребенка куда угодно. Небось салоны красоты работают и в свободное от тренировок время. Да и не особенно по ней видно каких-то невероятных уходов за собой.

Вероника – женщина молодая, вероятно, отец Вали женился чуть ли не на школьнице, которая и родила сразу же. Понятно, что неоткуда там взяться особенным амбициям и жизненным устремлениям, кроме ухода за взрослым супру-

гом и общей дочкой. Навскидку казалось, что разница у супругов лет в десять не меньше, а скорее даже больше, хотя, надо признать, отец Валентины был весьма неплох для мужчины за сорок, крепкий, крупный, но не обрюзгший, можно было с большим основанием допустить, что не пренебрегал спортзалом. Ухоженный. Да, пожалуй, и красивый, если есть вкус на блондинов. Такой викинг. По одежде, простой, но дорогой, причёске, ноутбуку, складывалось впечатление, что мужчина не просто не беден, а более чем зажиточен. Так что, вероятно, молодой супруге не на что было жаловаться. Разве только – не особенно холёный муж тратился на свою женушку. На Веронике-то как раз не было заметно ни каких-то дорогих брендов, ни украшений удивительной ценности. Одежда по большей части – массмаркет. Раз, правда, Сашка отметила, что сумка дорогая. А в остальном? То, что носила Вероника, было, вероятно, проще даже того, что носила сама Лансере. Ира иногда любила эксклюзивные аксессуары, а еще больше хорошо сшитую одежду, которая нередко тоже стоила вполне ощутимых денег.

Не в последнюю очередь любовь к дорогим брендам определялась тем, что обычные никак не справлялись с особенностями фигуры. Талия у Ирины была тонкая, а бедра крепкие в силу профессиональной занятости. И то, что отлично садилось по ногам, неизбежно болталось на поясе. Ну, и с длиной каждый раз проблемы. Что по размеру, то коротко. В общем, ноги свои, конечно, и любила, но доставляли они ку-

чу трудностей в магазинах средней ценовой категории. Поэтому, как только появились средства, появились и любимые бренды, где учитывали, что не все люди одинаковые. И на ноги длиной 78 сантиметров при росте 172, и на талию 58 находились штаны. И даже можно было выбирать какие-то блузы, в которых грудь выглядела вполне прилично, а не инородным явлением.

Лет пять назад Костя привез с одного совсем детского старта кубок, пластиковый и помазанный золотой краской. Крышечку этого недоизделия украшало нечто непропорционально вытянутое на коньках, симулирующее девушку-фигуристку. Тренер водрузил завоевание на стол начальницы и доложил:

– С тебя лепили что ли, Ирк?– тыча в фигурку.

– Убери его, а?– указала на шкаф с призами Ирина.– У меня тут новые изменения в правилах.

В общем, в отличие от той же Вероники на нее одежду массовые производители не шили. Хорошо, что скуповатый Валин папа любил стандартные комплектации, а то, пожалуй, пришлось бы водить в те бутики, где сам одевался.

Презрительно хмыкнула, размышляя о незавидной доле содержанки богатого дяденьки, да хоть бы и законно окольцованной. В очередной раз поздравила себя, что хватило ума не стать такой.

## Глава 6

День как-то подходил к концу. Наверное, его можно было записать скорее в актив, чем в пассив. Сидели втроем в кабинете, обсуждая прошедшие тренировки и строя планы на будущее. В уголке притулилась Олесь, которая ждала Ирину, чтобы ехать домой, уча одновременно уроки.

– Девчонки, я завтра припозднусь, – доложил Костя, разводя руками. – Машуле к третьему уроку, надо отвезти.

– У тебя дома жена на хозяйстве, пусть она и отвезет, – предложила Ира.

– Ты же знаешь, за рулем она боится, а такси не любит, – вздохнул Константин.

– А я не люблю прогульщиков, – напомнила Лансере.

– Да ладно тебе, – примирительно заговорил техтренер, постукивая сильными короткими пальцами по крышке стола.

Костя был мужиком безотказным, за что, как понимала его начальница, его и ценили все женщины, успевшие нарасти в жизни этого крепкого, не особенно красивого, скорее уж совсем простенького, похожего на Иванушку-дурачка внешне, светловолосого круглолицего человека. Константин всем был в подарок, а кое-кому и в утешение. И не имей дурной привычки влюбляться одномоментно и безоглядно, цены бы такому человеку не было. Но как только в поле зрения ее

помощника появлялась маленькая, желательно до метра шестидесяти, формастенькая девица более или менее молочной спелости, Костя становился дурак дураком. Наверное, семью Константина, пусть и небеспроблемную, спасало от развала только то, что хорошенькие, молоденькие, формастенькие девочки не особенно рассматривали взрослых, женатых, детских тренеров в качестве перспективы на будущее. Так что у Константина было много однотипных женщин-подруг, которые ему когда-то нравились, но не сбылось, а он не сильно-то и расстроился.

И пока не появилась Алена, все выглядело забавно, но достаточно спокойно. Семья у Кости тянулась не шатко, не валко, что при паре еще достаточно невзрослых ребятишек, наверное, и не особенная трагедия. Мужчина мало рассказывал о том, как налажена жизнь дома, не жаловался, не радовался. Иной раз только всплывало что-то в духе развоза по садам-школам, идущего вразрез с планами Кости, но не имеющего конструктивных решений в связи с тараканами его второй половины, а в остальном все, кажется, всех устраивало.

И на фоне вот этого вполне приемлемого “неплохо” образовалась Алenuшка, увидев которую лишь раз, Лансере поняла – тут все будет плохо. Да и как может быть, когда любовница – дура дурой? Нет, Костик-то полагал, что девочка просто веселая, с мелкими, положенными каждой молодой и симпатичной девчонке, таракашками. Ирина тараканов из

чужих голов не любила, она своих с трудом в страхе держала, чтобы управляться с чужими.

Костя, как и положено, для начала сразу влюбился. С головой и всеми причиндалами. Настолько ошалел от ответного внимания, что умудрился приволочь ее на внутрикорпоративное мероприятие. Выдала звезды, конечно, лопухому влюбленному, но не гнать же их обоих, а одну ее он не выставит. Пришлось терпеть, зыркать недовольным глазом на Аленушку-красотку так, что даже Володя подошел и попросил смотреть пореже на Костькину бабу:

– Складывается впечатление, что ты его приревновала, – доложил директор, потягивая бокал шампанского.

– Его убить мало! – цыкнула Лансере. – Еще не хватало, чтобы он своих шалав таскал сюда! Как потом в глаза его жене смотреть?!

– Попустись, Ириш, – попросил Владимир. – Вот, ей-богу, чем меньше его женушка знает, тем лучше все мы спим, включая тебя, тем более – меня!

В принципе, была согласна с их директором, но спускать влюбленному идиоту его просчеты не собиралась. Благо за время вечеринки добавилось поводов, самым главным из которых стало жение Аленушки поговорить с суровой начальницей ее героя. Девочка пристроилась рядом и завела светскую беседу, начав с комплимента:

– Костя так много говорит о вас! Так ценит, что вы вместе работаете! И у вас Олеся такая способная девочка! – слыш-

ком много для первого знакомства.

Даже если Костя и ценил их совместную работу, стоило ли разливаться соловьем со своей малоперспективной побочной связью? Это во-первых. Во-вторых, Олеся, конечно, девочка перспективная, но в тот момент была далека от того, чтобы подавать серьезные надежды по многим причинам. В общем, было понятно, что Алена лезет без мыла в душу.

– Это все прекрасно,– прервала поток сладкой патоки старший тренер,– худо только одно: ваша зазноба – чужой муж, отец двоих детей. Как вы себе представляете дальнейшие отношения?

Глянула тяжелым и недовольным взглядом на маленькую женщину, но та, кажется, совершенно не насторожилась и не задумалась, прощепетав в ответ:

– Ой, да что тут такого?! Жена не стенка. А дети? Ну, я ему еще рожу. Будут новые дети.

Ира не особенно любила мужиков, но таких ушлых девок не любила гораздо больше. С тех пор ждала, когда просветлит ее коллегу. Пока стало ясно только одно: с женой он разводиться не решился, а любовница, похоже, утомляется ждать и начинает вести операции по захвату.

– Все, ребят, я помчался!– поднялся со стула Константин.– Аленька мне и так плешь проест, что снова поздно и снова уеду домой.

– Она еще хочет, чтобы ты от нее и домой не уезжал что ли?– не поняла Александра.

– Ну, ей нравится засыпать, обнимая меня,– зарделся Костя и скосил глаза на Олеську, которая что-то писала в тетради, сидя в наушниках.

– Главное сам не засыпай у нее,– дала ценный совет Ира,– и в аптеку наезжай регулярно за изделием номер два.

– Это точно!– кивнула Сашка и отпила чай из кружки.– Если она залетит, твой мозг не реабилитирует потом ни один психиатр.

В отношении к любовнице их товарища женщины были единодушны – не дай бог с такой всерьез связаться.

– Хватит меня воспитывать!– возмутился мужчина, собирая вещи в рюкзак.– У меня своя голова на плечах есть, да и у Аленки мозги имеются.

– Нет мозгов у твоей Аленки,– повела плечами Саша,– Были бы мозги не караулила бы тебя у подъезда дома.

– Это она от любви,– попробовал оправдать ненормальную подругу Костик.

– Может и от любви, но больше от безмозглости и характера шибко предприимчивого,– вздохнула Ира.– Кость, ты учти, если она залетит, я тебе лично оторву то, чем ты ее обрюхатишь!

– Константин Алексеевич,– внезапно прорезалась Олеся,– на вашем месте я бы боялась этой угрозы. Ир Валь еще иногда с резиной работает, так что оторвет, не сомневайтесь!

– Я принял к сведению,– хихикнул Костя.

Им бы всем стоило смутиться от того, что ребенок по-

святится в такие детали, но за годы, которые Олеся вечера в тренерской и кабинетах, дожидаясь конца рабочего дня своей опекуни, она слышала столько всякого, была максимально посвящена во все подробности и детали не только тренировочных процессов и планов в отношении спортсменов, но и личную жизнь каждого из троицы тренеров, что уж угроза оборвать неплотно закрепленное на теле техтренера ее вряд ли повергла в шок.

Как только мужчина покинул кабинет, Ирина вытянула ноги, закинула руки за голову и потянулась долго и со вкусом, показалось, даже хрустнуло что-то в спине.

– Давай, уже и мы по домам, а?– посмотрела на начальство Александра.

– Да, сейчас,– главный тренер снова полезла куда-то в документы.

– Я не буду больше говорить про работу!– тут же встрепенулась Сашка.– Я устала, хочу домой. Я жить хочу, Ира!

– Для жизни у тебя есть выходной,– напомнила Ирина.

– Так нет же!– фыркнула хореограф.– Кто меня сослал на курсы повышения квалификации по части технического наполнения программ?!

– Володя,– соврала, не охнув, начальница.

– Так я тебе и поверила!– возмутилась девушка.– Просто ты меня ненавидишь и отправила заниматься тем, чего я терпеть не могу! Я гуманитарий!

– С такими мыслями только фигурным катанием и зани-

маться,— хмыкнула Лансере.— Вот ты лучше мне скажи, гуманитарий, кого заподозрить в кляузах, называемых романами. Из нашего окружения.

Саша глубоко задумалась, даже порозовела от своих размышлений, а потом выдала:

— Ну, кто может книги писать?

— Да кто угодно,— пожалала плечами Ирина.

— Ну, кто-то начитанный, наверное,— снова допустила хореограф и поднялась со стула, потому что сил сидеть уже не было, да и домой хотелось.

— Еще бы знать, кто у нас тут любитель чтения,— поняла бесперспективность такого рода поисков Ирина.

— Это точно не я!— доложила Олеська, стягивая наушники и тоже потягиваясь кошкой.— Дядь Костя, кстати, много читает.

— Ну, если этот многостаночник между своими бабами и работой еще и строчить романчики успевает, то это просто новый Юлий Цезарь,— отбросила кандидатуру текстенера Ира.— Вообще, если кого и не подозревая, то Костю да Сашку.

— Про секс хорошо пишет. Я думаю, женщина,— опять выступила в роли эксперта Олеська.

— Что ты можешь, вообще, про секс знать?!— посмотрела в сторону фигуристки Александра.

— Век интернета. Я про него уже лет пять все знаю,— насупилась девчонка.

– Не вздумай это где-нибудь в интервью ляпнуть!– предупредила Ирина, отходя от шока откровения, что дети знают слишком многое.

– Будто меня кто-то в интервью об этом спрашивает!– надулась Олеся.– Все интервью делятся на две части – “как ты все так хорошо выигрываешь” и “где же твоя мама, девочка”.

– Зато без сюрпризов,– вздохнула Ирина.– Правда, лучше пусть они тебя про спорт и семью спрашивают, чем что-нибудь заковыристое.

– Я хочу хоть раз услышать вопрос, на который не отвечала сто интервью до этого!– скривилась фигуристка.

– Где у тебя только успели те сто интервью поместиться?– Ирина вышла из-за стола и потрепала подростка по голове, взъерошив волосы.

Вместо ответа Олеся начала тут же поправлять прическу.

– Ладно, девочки, действительно пора по домам. Но, Сашк, вопросы по техбуку у меня есть. Тебе не отвертеться!– предупредила старший тренер.

– Ну и ладно,– не стала спорить хореограф.– Главное, что не сегодня. Сегодня я устала и ничего не хочу.

– Я тоже устал и не хочу ничего,– согласилась с ней Ирина.

Собрали вещи, двинулись на выход. В холле наткнулись на Влада и его маму. У спортсменов заминка сорок минут, плюс сборы, примерно тот же час и выходит, который провели за беседами тренеры. Попрощались с присутствующими и вышли на улицу.

– Машины твоей не вижу?– поозирала стоянку Ирина, обращаясь к Саше.

– Бобик сдох, поедем в выходной лечиться,– доложила Сашка.

– Подвезти?– хоть предлагала сама, однако же очень хотелось, чтобы подчиненная отказалась.

Саша будто услышала душевные мольбы подруги:

– Не, Ир, я такси вызову. Не буду уже тебя мучить, да и Олеське пора ужинать и спать,– отпустила всех на свободу хореограф.

– Мне ужина не положено,– вздохнула фигуристка.

– Я так же пощусь,– напомнила опекунша.

– Не одной же мне страдать,– резонно заметила Олеся.

– Я тоже так думаю,– обняла ребенка за шею наставница.–

Поехали страдалица, настругаю салатик, выпьем кефирчику. Да и баиньки.

Всю дорогу продолжала размышлять о том, кто же пишет романы, которые так перевирают ее жизнь. Судя по углубившись в телефон Олесе, так как раз эти самые романы и читала.

– Леськ, а ну-ка скажи мне, там много про всякие внутренние дела, типа того, что в тренерской или в моем кабинете происходит?

Хоть спросила не слишком понятно, но ответ получила вполне внятный:

– Так по большей части все и происходит где-нибудь в тре-

нерской или кабинете. Не могут же к тебе приставать мужчины на виду у всего катка?

– Ко мне никто и не пристаёт!– возмутилась тренер.

– Ой, ладно! Ты же поняла, о чем я!– чуть повысила голос Олеся, в нем появились недовольные интонации подростка, который уверен, что его тут все за дурака держат.

– Это похоже на то, что у нас происходит на самом деле?– продолжила тему, не углубляясь в детские возмущения.

– Ну, знаешь ли!– тут же отреагировала подопечная.– Я сомневаюсь, что ты бы меня пригласила понаблюдать за тем, что происходит у тебя в кабинете по мнению автора этих шедевров!

– Блин, я ж не про потрапушки на рабочем столе!– фыркнула Ирина.– Про разговоры там. Обсуждения. Вот, как сегодня было.

– Ир Валь!– воззвала к разуму женщины Олеська.– Это любовные романы, а не твоя биография и не пособие по фигурному катанию для начинающих тренеров! С чего бы там быть серьезным описаниям вашего трепа про постановки и вращения?

Они и правда сегодня минут тридцать обсуждали вращения: Костя просил подвинуть их, чтобы спортсмен успевал хоть сколько-то глотнуть воздуха после прыжков, а Сашка упиралась, отказываясь, так как это портило всю постановку. Ира была согласна с обоими. В общем – патовая ситуация. Кажется программу бедняге Рамилю придется снова перепи-

лить полностью. А это второй раз за четыре месяца. Но что делать? Он не вывозит! Два старта, оба раза сорвал комбинированное вращение. Слишком дорогое удовольствие, чтобы продолжать ставить эксперименты, когда созреет и покатит без ошибок. Второй спортивный – не совсем любительщина. Тут уже все всерьез. И спортсмены, хоть еще и малыши, понимают достаточно, чтобы хотеть побеждать и беситься, когда это не удастся. Да и плохой опыт закрепляется.

Из фырканыя Олеси, однако, уяснила, что, кажется, дальше льда их автор не вхож. Можно было начать думать про родителей и оставить в покое коллег. Все-таки полегчало. Не хотелось беспардонной крысы в своих стенах.

# Глава 7

– Ир Валь, давай в виртуал

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.